

ХУДОЖНИК, МЫСЛИТЕЛЬ, БОРЕЦ

Сегодня исполняется сто лет со дня рождения Лу Синя. Память о выдающемся сыне китайского народа, классике мировой литературы дорога всем людям доброй воли, всем сторонникам прогресса, мира и дружбы между народами. Она тем более дорога советскому народу, который хорошо знает творчество Лу Синя и высоко ценит его вклад в дело взаимопонимания и культурного обмена между нашими странами.

Первые переводы основных произведений Лу Синя появились у нас более полувека назад — раньше, чем где бы то ни было за пределами Китая. С тех пор они много раз переиздавались на русском и других языках народов Советского Союза. И недавно, в предъюбилейные дни, в Москве и Киеве массовыми тиражами вышли собрания его художественной прозы.

Свои первые шаги в литературе Лу Синь сделал в самом начале века, когда все более очевидной становилась слабость и гнилость Цинской монархии и все отчетливее осознавалась необходимость радикальных перемен. Учившийся в то время в Японии, Лу Синь жадно впитывал новые веяния, был близок к возглавлявшейся Сунь Ятсеном патриотической организации Объединенный союз. Зная о том, что русская классическая литература во многом способствовала общественному подъему, приведшему к революции 1905 года, он мечтал о появлении в Китае такой же правдивой и смелой литературы, зовущей

на битву с угнетением, темнотой и лицемерием.

Когда синхайская революция 1911 года смела монархический строй, Лу Синь решил, что настало время осуществить его планы обновления китайской культуры. Но в условиях наступившей реакции это оказалось невозможным. Широкое поле деятельности открылось перед Лу Синем лишь благодаря мощной волне демократического движения и борьбы за новую культуру, поднявшейся в Китае под благотворным влиянием Великого Октября в России.

Хотя писатель не сразу смог в полном объеме осознать политический смысл этого события, он в числе первых китайцев в 1918 году приветствовал «зарю, подымающуюся на Севере». С этого момента и до последнего дня своей недолгой жизни Лу Синь шел в первых рядах борцов против мирового империализма и внутренней реакции. Никогда не останавливаясь в своем идейном развитии, мужественно пересматривая свои концепции, если

они не выдерживали проверки действительностью, Лу Синь страстно и неустанно искал ответы на все новые вопросы, выдвигавшиеся самой жизнью. Так он пришел к правде марксизма-ленинизма, стал знаменосцем революционной культуры в Китае, стойким и верным другом Советской страны. И ничто — ни террор, ни клевета, ни соблазны — не могло поколебать его убеждения.

Художественное наследие Лу Синя не так велико по объему — четыре сборника рассказов и лирических миниатюр, том воспоминаний и несколько десятков стихотворений. Но серьезность постановки социальных и этических проблем, проникновение во внутренний мир персонажей, взятых из разных пластов китайской действительности, делают едва ли не каждый его рассказ значительным литературным явлением.

Наиболее значительную часть наследия Лу Синя составляет боевая публицистика — четырнадцать авторских сборников и множество фельетонов, заметок, предисловий, не вошедших в прижизненные издания. Они воссоздают многоцветную и достоверную картину целой эпохи, историю борьбы сил прогресса с реакционерами всех мастей и од-

новременно — историю духовного роста самого писателя.

Непримиримой была борьба Лу Синя с защитниками эксплуататорского строя, в какие бы одежды они ни рядились. В этой борьбе накапливался политический опыт писателя, углублялось понимание путей решения стоявших перед Китаем труднейших проблем. Этот процесс неизбежно привел его к убеждению, что «бесклассовое общество возникнет обязательно», что «только поднимающийся пролетариат имеет будущее».

С этих позиций Лу Синь в последние годы своей жизни сражался и с «литераторами-националистами», вынашивавшими бредовую идею повторить — под водительством японских генералов — поход Чингисхана против России, и со «свободными людьми», этими «кувыркающимися мелкобуржуазными литераторами», отрицавшими классовый характер искусства.

Будучи пламенным патриотом, отдавая много сил исследованию отечественного культурного наследия, Лу Синь был убежденным интернационалистом. При этом особым его вниманием неизменно пользовались произведения русских классиков и советских писателей. «Я чувствую, — писал Лу Синь, — что русская культура богаче, чем какая-

либо иная иностранная культура... Произведения русской литературы переведены на китайский язык в гораздо больших масштабах, чем литература других государств, и оказали самое большое влияние на современный Китай». Сам он познакомил соотечественников с произведениями Андреева, Гаршина, Горького, Салтыкова-Щедрина, Чехова; творческим подвигом Лу Синя стал перевод гоголевских «Мертвых душ», завершить который помешала смерть.

Горячая любовь к русской классике закономерно переросла в жгучий интерес к советской литературе, которая «благодаря своему замечательному содержанию и художественному мастерству завоевала широкие массы читателей и принесла им много полезного». Внутренним списком советских книг, переведенных Лу Синем или вышедших в отредактированных им и снабженных предисловиями переводах. Здесь и «Разгром», и «Железный поток», и первая часть «Тихого Дона», и статьи Луначарского, и многое, многое другое. Писатель призывал своих молодых собратьев брать в качестве примера советскую литературу, «учиться у тех, кто ушел вперед». Когда международный империализм затеял провокационную кампанию, угрожая напасть на первую страну социа-

лизма, Лу Синь от имени китайского народа заявил во весь голос: «Мы против нападения на Советский Союз. Более того, мы хотим повергнуть наземь злодеев, готовящих нападение на Советский Союз какими бы сладкими ни были их речи...» «Разве есть у империалистов такие интересы, которые не были бы противоположны нашим интересам?» — эти слова Лу Синя, произнесенные почти 50 лет тому назад, и сегодня звучат злободневно.

В годы маоистской «культурной революции» ее организаторы, нанеся огромный ущерб китайской литературе и обрушив репрессии и клевету на ее создателей, вроде бы сделали для Лу Синя исключение. Его продолжали на словах восхвалять (хотя произведений почти не издавали). Однако при этом Лу Синя — реалиста, гуманиста, интернационалиста — попытались превратить в «последователя идей Мао Цзэдуна», своего рода претечку хунвейбинов. Большее кощунство трудно себе представить.

Но это была попытка с недобрыми средствами. Лу Синь был и всегда будет другом и союзником всех тех, кто идет в рядах строителей подлинно народной, революционной культуры, кто отстаивает идеалы социализма, мира и дружбы между народами.

В. СОРОКИН.

Доктор филологических наук.